

23.04.98

Анна Вербиева

Людмила Петрушевская. Настоящие сказки. — М.: Вагриус, 1997, 400 с.

ЖИЛИ МЫ были при соцреализме, и проза наша (та, что публиковалась) имела социальный заказ; та, что не публиковалась, — неизбежно, социальный протест; а вся остальная (написанная до советской власти и зарубежная) — соответственно социальный контекст. Так и получилось, что жизни человеческой (частной, личной) место было лишь в поэзии — вот простая загадка невиданного изобилия поэтов, не говоря о просто пишущих стихи, в СССР. При том что бумаги было полно, все равно лириков приходилось хоронить единовре-

ПРИНЦЕССА НА ПОМОЙКЕ

Самые настоящие сказки Людмилы Петрушевской

менно в братских могилах вроде «Дня поэзии», или даже скромно прописав могилку по адресу: «Теплый стан», «Чистые пруды», «Тверской, 25» — а куда денешься от тонн «Я любила-разлюбила»?

Людмила Петрушевская, по счастью, пришла в литературу — обычно говорят, поздно, но это совсем не то слово — зрелой женщиной, матерью троих детей, а значит, знающей простую правду: ничто не важно, кроме человеческой жизни, ничего и нет, кроме нее. А что наша жизнь, если не игра? Не «наша» общая, а васина-петина-танина. Подавленный гнев (мирное сосуществование коммуналок), запрятанные обиды (на обиженных воду возят), невидимые миру слезы (Москва слезам не верит и бьет с носка).

Петрушевская вошла в литературу тогда, когда вся боль и мерзость нашей жизни еще не стали сначала ходовым товаром, а потом и общим местом телевидения и газет. А когда стали — пришла пора задуматься о втором томе «Мертвых душ»... Так появились сказки Людмилы Петрушевской.

Они прорастали постепенно, брали соки отовсюду, появлялись то тут, то там в журналах — сначала лингвистические, дикие, животные, и наконец — настоящие. Теперь они собраны в одну книжку, и это уже целый сказочный мир.

Как оно и положено, сказки Петрушевской населены королями и принцессами, волшебниками и злодеями, живут они в дворцах и райских садах, превращаются кто в кого надо и так далее. Иногда принцессы носятся по городу на мотоцикле без глушителя, а королевы бреются наголо, оставляя вдоль черепа полоску зеленой щетины, примерно как у коня. Ожившие утюги и сапоги разговаривают на языке братвы и назначают стрелки чисто по жизни — с разборками и все такое. Как оно и положено в сказках, злые сильны и коварны, а добрые наивны и беспомощны, злые отнимают, добрые отдают, и вот-вот наступит вечная зима, отключат отопление и электричество, но есть люди, которые тихо и молча жертвуют своей жизнью ради других — говорят, такие могут спасти всех.

И вот тут придется забыть о предводителе несчастных, гордом Данко, потому что мы ничего подобного не встречали. В человеческой жизни. На жертву оказываются способны впечатлительные дети и одинокие, всеми забытые старушки. Сироты-подростки или нищие бездомные художники, подписавшие доверенность на квартиру и очнувшись на скамейке.

В сказочном мире Петрушевской так много малых сих —

больных, умирающих, старых и малых, обманутых, обобранных и выгнанных, что кажется, слишком — а где же великие и капризные, мудрые и могучие? Одну королеву — семнадцатилетнюю — сажают в клетку, другая — семидесятилетняя — роется в помойке. Мы так привыкли к европейским авторским сказкам, где с помощью той же доброты, ну и немного хитростей, простые солдаты женятся на красивых и богатых принцессах (плюс полцарства, что немало), а гадкие утята превращаются в аристократов-лебедей, — корооче, добиваются успеха, из грязи в князи. В сказках Петрушевской старики и дети ничего не добиваются, они не знают, что такое успех и зачем он нужен, — просто кого-то жалко, а иногда жалко всех, как той маленькой девочке, которая услышала от взрослых, что надвигается вечная зима и все погибнут, а от бабушки — что помочь может только человек, готовый отдать дело всей своей жизни — не чтобы победить и выиграть, а просто чтобы наступила весна и зазеленели деревья. Девочка тайком ложится на пол в холодном подвале — ведь у нее ничего нет, кроме собственной жизни, — простужается, долго болеет, а тем временем ученые выступают по радио и говорят, что вечная зима — это

ошибка в расчетах, все будет хорошо. Ох уж эти взрослые — те, кто стремится к успеху и боится что-то потерять, кто читает газеты и пишет рецензии: так много знают и вечно ошибаются. И они не интересны Петрушевской.

Классическая русская литература вся о чуде, она теряла свой вкус и цвет, когда пыталась воспевать достижение и становление (как тот же соцреализм, где если ребенок — так юный герой или будущая знаменитость); и даже в историях преступления и неминуемого наказания она ищет и находит чудесное спасение (души) преступника с помощью жалких и падших сонечек и катюш — сирых и убогих.

Малых сих.

Европейская сказочная мораль практична, во всяком случае, в основе, в сердцевине своей. Русская — всегда уповает на пресловутое авось, над которым можно сколько угодно смеяться, ему не убудет. После падения Советского Союза, а потом финансовых пирамид, когда на чей-то авось миллионы сирых и убогих потеряли родину, деньги, квартиры, все, смеяться уже как-то грешно. Людмила Петрушевская не смеется. Она пишет свой Второй том, несжигаемый. Он уже издан, и через сто лет станет классикой.

Независимая газета. — 1998
23 апр. — с. 10

Петрушевская Людмила